

УДК 97(470)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

К ИСТОРИОГРАФИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЛУСОВ ДЖУЧИ И ЧАГАТАЯ

Т.И. Султанов

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vasilieva_nina@mail.ru*

Цель: проанализировать основные этапы этнополитического развития двух государств – наследников Монгольской империи (Улуса Джучи – Золотой Орды – и Чагатайского улуса) и их преемников в XIII–XVIII вв.

Материалы исследования: труды средневековых мусульманских авторов, являвшихся современниками описываемых событий: Джамала Карши, Рашид ад-Дина, Вассафа (рубеж XIII–XIV вв.), ал-Омари и Хамдаллаха Казвини (XIV в.), Мирзы Мухаммада Хайдара, Сейфи Челеби, Амина б. Ахмада Рази (XVI в.), Абу-л-Гази, Махмуда б. Вали, Хаджи Халифы (XVII в.) и ряда других. Также подробно анализируются мнения советских, пост-советских и зарубежных специалистов по этнической истории Центральной Азии – В.В. Бартольда, А.Н. Самойловича, С.К. Ибрагимова, А. Мокеева, Б.Х. Кармышевой, Ш. Андо, Б.Ф. Манц и др.

Результаты и научная новизна: За «точку отсчета» этнополитической истории взяты события, связанные с монгольскими завоеваниями и образованием Монгольской империи и ознаменовавшие собой настоящую ломку политических и этнических реалий, которые сложились в Центральной Евразии к XIII в. Распад империи и выделение из ее состава самостоятельных чингизидских улусов стимулировали новый виток этнополитогенеза, продолжавшийся вплоть до распада этих государств в начале XVI в.

Этнополитическое развитие Центральной Евразии носило длительный характер, и поначалу термины, сегодня рассматриваемые как этнонимы, отражали политическую или социальную, но никак не национальную принадлежность их носителей. Лишь после распада чингизидских улусов имперского типа и появления новых государств (Казахского ханства, шибанидских государств на территории Чагатайского улуса, Могулистана и Могулии-Кашгарии в Восточном Туркестане) можно говорить о складывании этнических образований, послуживших основой для современных народов Центральной Евразии.

Автор обращает внимание на то, что многие построения классиков востоковедения и этнической истории Евразии, пусть и основанные на тщательном изучении источников, носят предположительный характер, что дает основание для продолжения исследований в этом направлении.

Ключевые слова: Монгольская империя, Улус Джучи, Чагатайский улус, этнополитическая история, кыпчаки, узбеки, чагатаи, могулы, средневековая мусульманская историография.

Для цитирования: Султанов Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 74–92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

В начале XIII в. на степных просторах Северного Казахстана от Иртыша на запад располагались кочевья кыпчаков. Земли от областей уйгуров в Восточном Туркестане до Аральского моря охватывало государство Гурхана

каракитаев. В 10-е годы XIII в. часть этой территории захватил Кучлук, предводитель найманов-монголов, а северная часть Семиречья была подчинена Арслан-хану – предводителю карлуков. Страну между Таласом, Чу и озером Иссык-Куль занимали канглы – природные тюрки. Бассейн Сыр-Дарьи с его городами-крепостями и прилегающие районы, а также Мавераннахр и Хорезм с примыкающими к нему округами принадлежали хорезмшаху Мухаммаду. После нашествия монголов мы видим иную картину, новые политические структуры.

В результате завоеваний Чингиз-хана и его преемников к концу 50-х годов XIII в. образовалась самая обширная и могущественная из мировых империй, простиравшаяся от Амура и Желтого моря на востоке до Дуная и Евфрата на западе. Образование Монгольской империи было единственным в своем роде событием в мировой истории: «В первый и последний раз в истории произошло совершенно исключительное явление: под властью одного народа и одной династии образовалась империя, объединившая не только все кочевые народы от Китая до Восточной Европы, но и все культурные государства Дальнего Востока и Передней Азии» [8, с. 435]. Естественно, что империя, объединившая под своей властью столь разнообразные племена и народы, страны и государства Дальнего Востока, Передней и Средней Азии и Восточной Европы, не могла просуществовать долго. Уже к концу 60-х годов XIII в. универсальная империя первых Чингизидов разделилась на четыре самостоятельных улуса, каждый из которых возглавила собственная династия, происходившая из «золотого рода» Чингиз-хана. Из них особое значение для политической и этнической истории тюрков имели Золотая Орда (Улус Джучи) и Чагатайское государство.

В рамках настоящего исследования предпринимается попытка проследить изменения на этнической карте Центральной Евразии после создания Монгольской империи. Автор намерен рассмотреть процесс крушения ранее существовавших политических структур и формирование новых полиэтнических общностей на территории Дешт-и Кыпчака и Средней Азии, а затем охарактеризовать начальный этап зарождения современных тюркоязычных народов региона.

В истории Великой Степи (Дешт-и Кыпчак) монгольская эпоха стала временем рождения новых этнополитических сообществ с новыми элитными группами. Такими новыми этнополитическими сообществами стали татары, узбеки, ногаи, казахи, чье рождение как народов неразрывно связано с эпохой создания и распада Золотой Орды (Улуса Джучи).

В начале XIII в. на степных просторах от Иртыша и дальше на запад располагались кочевья тюркских кочевых племен, известных на Востоке под общим названием кыпчаков, на Руси – половцев, в Центральной Европе – команов. Значение племен кыпчаков в степи было столь велико, что всю Великую Степь от Иртыша на востоке до Днестра на западе стали называть, начиная с XI в., Дешт-и Кыпчаком (букв. «Кыпчакская степь»; перс.), Полем Половецким (на Руси), Команией (в Европе). Дешт-и Кыпчак исторически делился на две части: Западный Дешт-и Кыпчак и Восточный Дешт-и Кыпчак. Западный Дешт-и Кыпчак простирался с востока на запад от Урала до Днестра, а с юга на север – от Черного и Каспийского морей до г. Укека (остатки его находятся в окрестностях современного Саратова). Границу Восточного Дешт-и Кыпчака

составляли на востоке – Иртыш, на западе – Яик, на севере – Тобол, на юге – оз. Балхаш и местности, примыкавшие к среднему течению Сыр-Дарьи. Кыпчаками управляли отдельные ханы, но хана всех кыпчаков никогда не было, и в каждой части Кыпчакской степи одновременно владычествовали несколько правителей. В состав Восточного Кыпчака входили следующие шестнадцать племен: *борилу, токсоба, иетиоба, дуртоба, ал-арс (ал-ас), бурджоглу, манкур-роглу, йимак, таг, башкурт, куманлу, базанак (баджанак), баджна, карабориклу, уз, джортан*. Западные кыпчаки делились на одиннадцать племен: *токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурутоба, кулабаоглы, джортан, караборикли, котан*.

В результате нашествия монголов какая-то часть кыпчаков погибла, какая-то часть бежала на запад, а какая-то часть была пленена и продана в рабство. Но в массе своей кыпчаки остались кочевать в своих степях и составляли главную часть кочевых тюркских подданных потомков Джучи. Несколько позднее, во второй половине XIII в., имя Кыпчак даже было перенесено и на монгольское государство Золотой Орды.

Тем не менее, Дешт-и Кыпчак периода Золотой Орды резко отличался по племенному составу от Дешт-и Кыпчака домонгольских времен: с приходом центральноазиатских (монголо-татарских) племен наступил новый этап этнической интеграции. Главными результатами этого сложного по характеру и продолжительного по времени многоаспектного процесса были:

- 1) смешение родов и племен, смена многих прежних тюркских (кыпчакских) этнонимов на монголо-татарские, формирование ряда новых родоплеменных групп с ранее неизвестными или парными наименованиями;
- 2) тюркизация монголо-татарских племен и принятие ими ислама;
- 3) формирование из конгломерата родов и племен, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Дешт-и Кыпчака в период распада Золотой Орды, целого ряда тюркских народностей, в том числе и с монгольскими названиями.

Из собственно монгольских племен одними из первых оказались на территории Кыпчака меркиты (мекриты) – одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги. После долгих лет противостояния Чингиз-хану в 1216 г. меркиты были окончательно разгромлены старшим сыном монгольского хана в битве у р. Иргиз, на степных просторах современного Центрального Казахстана. [10, с. 426, 434–436; 21, с. 114–116]. Оставшиеся в живых и на свободе меркиты рассеялись по всей стране кыпчаков. Со временем они вобрали в свой состав немало тюркских элементов, тюркизировались, но сохранили своё монгольское название; в эпоху Казахского ханства меркиты входили в племенное объединение абак казахского *Орта жуза* (Средней Орды).

По сведениям Рашид ад-Дина и анонимного автора «Муизз ал-ансаб», Чингиз-хан ещё при жизни выделил Джучи четыре тысячи войска: тысячу Мунгура, бывшего из племени *сиджиут (сихиут)*; тысячу Кингитая Кутаннойона, бывшего из племени *кингит*; тысячу Хушитая, бывшего из племени *хушин*; тысячу Бауку, также бывшего из племени хушин. Эти четыре личные тысячи воинов царевича Джучи, пишет персидский историк первой половины XIV в. Вассаф, после его смерти перешли в ведение его старшего сына, Орды, и уже при жизни Орды (ум. ок. 1251 г.) составляли вместе с прямыми потом-

ками более одного тумана живого войска, т.е. более 10 тысяч наличных воинов [25, с. 84].

По сообщению Махмуда ибн Вали, автора многотомной всеобщей истории «Бахр ал-асрар», в составе войска Бату, в частности, были ополчения племён *аргун*, *огуз*, *найман*, *буйрак*, *ойрат*, *карлук*, *кушчи*, *усун*, *минг*, *конграт*, *кереит*, *барлас*. Источники, откуда Махмуд ибн Вали черпал свои сведения о племенном составе войска Бату, нам неизвестны.

После завершения военной кампании 1236–1242 гг., большая часть центрально-азиатских племен вместе со своими вождями возвратилась на родину, но какое-то количество выходцев из них было распределено после похода между Джучидами в качестве эля – таким образом, они стали «дештскими». Абу-л-Гази и автор «Зубдат ал-асар» (XVI в.) сообщают, что Бату после возвращения из похода в Восточную Европу (1242 г.) отдал под власть своего брата, Шибана, народ, состоявший из 15 тысяч семейств, выделив ему из «древних родов» (*байри элинден*) четыре главных племени: *кушчи*, *найман*, *карлук*, *буйрак*; другому своему брату, Тукай-Тимуру, Бату выделил «из *каучинов*» (т.е. из привилегированной части войска) *минг*, *тархан*, *ушун*, *ойрат*. Определённое количество кочевых орд, а также достаточное для их кочевания пространство земли получили в Дешт-и Кыпчаке и другие братья и родители Бату, и, конечно, сам Бату; но список названий этих племен неизвестен.

Судя по отрывочным сведениям мусульманских источников, некоторое количество новых монголо-татарских племён прибыло в Дешт-и Кыпчак как из самой Монголии, так и других монгольских улусов за период, прошедший от Бату (ум. 1255 г.) до воцарения Узбека (1313 г.). В составе войска золотоордынских ханов XIII – начала XV в. в источниках называются части из племён *кунграт*, *кыят*, *сарай*, *бахрин*, *найман*, *джалаир*, *уйшун*, *кыпчак*, *курлаут*, *алчин*, *буруджоглы*, *йисут*, *курдер*. Так, личная гвардия золотоордынского хана Токтамыша (ум. 1406) состояла из представителей четырех племен: *ширин*, *барин*, *аргын*, *кыпчак*. В XV–XVI вв. эти четыре племени были главными племенами Крымского ханства [34, р. 281–307].

В связи с событиями в Дешт-и Кыпчаке в 30–90-е годы XV в. в мусульманских источниках перечисляются еще несколько десятков названий дештских родов и племен. Сведя воедино наличный материал, мы получаем следующую сводный Список названий родов и племен Улуса Джучи XIII–XV вв. (для удобства пользования этнические названия приводятся в алфавитном порядке): *алтын*, *аргун*, *ас*, *барак*, *барин*, *барлас*, *бахрин*, *башгырд*, *буйрак*, *буркут*, *буруджоглы*, *джалаир*, *джуркун*, *дурман*, *ички*, *ички-байри*, *йиджан*, *йисут*, *йети-минг*, *каанбайлы*, *карлук*, *кенегес*, *кереит*, *кингит*, *кыпчак*, *кунграт*, *кыят*, *куйун*, *курдер*, *курлаут*, *кушчи*, *маджар*, *мангыт*, *масит*, *меркит* (*мекрит*), *минг*, *найман*, *огуз*, *ойрат*, *салор*, *сарай*, *сихиут* (*сиджиут*), *таймас*, *табгут* (*тангут*), *тархан*, *татар*, *тили-минг*, *тубай*, *тубай-туман*, *туман*, *туман-минг*, *уйгур*, *уйсун*, *украи-найман*, *утарчи*, *хитай*, *хушин*, *чат*, *чинбай*, *чубурган*, *шадбаклы*, *шункарлы* = (62) [см.: 27, с. 8–16].

Наблюдаемое обилие монгольских названий племен в составе Джучиева улуса не должно смущать или удивлять нас. Оно объясняется прежде всего тем, что монголы среди тюркского мира Кыпчакской степи были господствующим слоем и составляли привилегированную часть войска Улуса Джучи. Свообразие рассматриваемой исторической ситуации заключается как раз в

другом, а именно: все эти многочисленные племена и роды Джучиева улуса, носившие монгольские наименования, представляли собою в XIV–XV вв. тюркоязычную этническую общность. Дело в том, что удельный вес собственно монгольского населения в Золотой Орде с самого начала ее образования был сравнительно небольшим. В XIV в. и эти монголы были полностью тюркизированы. Процесс ассимиляции монголов, пришедших в Дешт-и Кыпчак, с жившими здесь тюркскими кочевниками замечательно метко и живо описал современник событий, арабский автор ал-Омари (ум. 1349 г.). «В древности это государство было страной кыпчаков, – писал он, – но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что монголы и татары поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле кыпчаков. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе...» [29, с. 235]. Исследователи делают вполне обоснованный вывод о том, что государство потомков Джучи с центром в Поволжье было «монгольским государством» лишь в династийном отношении, являясь на самом деле тюркской страной по культуре, хозяйству и этнической основе [31, с. 100].

В источниках при освещении событий XIII – первой половины XIV вв. для обозначения кочевого населения Улуса Джучи одинаково употреблялись слова «татары», «монголы», «тюрки», «кыпчаки». Из этих названий дольше всех удержалось слово «татар»: в частности, в русских источниках кочевое население Золотой Орды продолжали называть татарами и после XV в., так что для русских «татарскими» были все тюркские государства монгольской династии, с которыми они имели непосредственный контакт в XV–XVI вв. – ханства Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское (на Иртыше, около современного Тобольска). Постепенно центральноазиатское слово «татар» превратилось в самоназвание тюркоязычного населения Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Западной Сибири. Этническую основу татар Поволжья, Крыма и Западной Сибири составили тюркские племена и общности, исконно жившие на этих территориях; происхождение современных татар Российской Федерации не определяется этнической историей древних татар Центральной Азии и прямо не связано с ними; это следует четко помнить и различать.

Со второй половины XIV в. кочевое население Улуса Джучи известно нам под общим собирательным названием *узбеки*. Происхождение названия «узбек» окончательно не выяснено. Как имя собственное это слово встречается и для периода ранее XIV в. Как имя части кочевых племён Улуса Джучи слово «узбеки», насколько сейчас известно, впервые встречается у персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Мустауфи Казвини (ум. 1350 г.). Описывая военный поход золотоордынцев на Азербайджан в 1335 г., он описывает воинство Узбек-хана *узбекцами (узбекийан)*, а государство потомков Джучи – «Государством узбекцев» (*Мамлакат-и Узбеки*) [25, с. 93, 121–122].

Более поздние персоязычные и тюркоязычные авторы, писавшие об Улусе Джучи, распространили имя Узбек-хана (при котором в Золотой Орде окончательно установилось господство ислама и укрепились ее культурные и

экономические связи с мусульманскими странами, особенно с Египтом) на все разноплеменное кочевое население Золотой Орды и на само государство потомков Джучи. С XV столетия, по мере распада Золотой Орды и приобретения политического суверенитета отдельными ее частями, слово *узбек*, как этническое и государственное название, постепенно исчезло из употребления в западных областях Великой Степи и осталось только за кочевыми тюркскими и тюркизированными племенами Восточного Дешт-и Кыпчака, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека (ум. 1341 г.). Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы стали употреблять исключительно термин *Узбекский улус* или просто *Узбекистан* («Страна узбеков»). Таким образом, тогдашний средневековый Узбекистан включал в свой состав, в частности, территорию современного Центрального, Северного, Северо-Восточного и Западного Казахстана.

В 1500 г. потомки Шибана, сына Джучи, братья Мухаммад Шейбани и Махмуд-султан, пользуясь раздробленностью государства Тимуридов в Средней Азии, выступили из Узбекского улуса (Восточного Дешт-и Кыпчака) со своими приверженцами, захватили Бухару, а в следующем году – Самарканд, – и основали там, в Мавераннахре (Среднеазиатское междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи), независимое ханство Шейбанидов. Господство этой ветви дома Шибана в Мавераннахре длилось до 1601 г. [1, с. 103–104].

Около 1511 г. из Восточного Дешт-и Кыпчака (Узбекского улуса) выступила еще одна группа оставшихся в Великой Степи Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана) во главе с Илбарс-султаном и Билбарс-султаном, тоже братьями. Они со своими приверженцами овладели Ургенчем, Хивой и прочими областями Хорезма и там, в низовьях Аму-Дарьи, основали другое независимое государство Шибанидов, впоследствии получившее в литературе название *Хивинское ханство*. Господство этой особой ветви потомков Шибана в Хорезме длилось до 1106/1694–1695 г. К этой ветви принадлежал и хан-историк Абу-л-Гази, который сам написал историю своих предков и страны.

Анализ данных письменных источников показывает, что общее число кочевников Дешт-и Кыпчака, ушедших в начале XVI столетия из степи в Мавераннахр, достигало 360 тысяч человек. Уход Шибанидов со значительной частью кочевых племен Узбекского улуса с территории, занимаемой современными Казахскими степями, послужил причиной переноса термина «узбек» в покоренные ими области Средней Азии. Однако еще долгое время в Мавераннахре и Хорезме название *узбек* оставалось только за теми родами и племенами Узбекского улуса, которые вместе с Шибанидами пришли в Мавераннахр. Даже в XIX столетии в самих среднеазиатских ханствах термин *узбек* употреблялся редко, обычно только в тех случаях, когда узбека (т.е. «дештикыпчакца» по происхождению) нужно было противопоставить представителю иной этнической или социальной группы, например, *таджикку*, *сарту* (так называли тогда в большинстве районов Средней Азии говорившее по-тюркски городское население) или *чагатаю* (так, по имени Чагатая, второго сына Чингиз-хана, сама себя называла в то время часть населения Средней Азии). Объединяющим этнонимом на территории в границах современного Узбекистана термин *узбек* стал лишь с XX в., после формального разделения Туркестана (Средней Азии) на национальные республики.

Так что история современного узбекского народа не тождественна с историей его имени. И это следует помнить.

В начале второй половины XV в. от узбеков Узбекского улуса отделились *казаки* (*казахи*). Процесс их превращения в самостоятельный этнос начался в 20-е годы XV в. В 1428 г. в одном из сражений погиб хан Восточного Дешт-и Кыпчака Барак-султан, внук Урус-хана, потомка Орда-ичена, старшего сына Джучи, и тогда же в области Тара (бассейн р. Тобола) воцарился Абу-л Хайр султан, представитель дома Шибана. В 864/1459–1460 гг. Гирей-султан, Джанибек-султан и некоторые другие потомки Урус-султана, недовольные властью Шибанида Абу-л Хайра, покинули Узбекский улус с подвластными им родами и племенами и прикочевали в соседний Моголистан, верховным правителем которого в те годы был Есен-Буга хан. Он благожелательно принял султанов из рода Джучи и предоставил им для кочевания западную часть своих владений.

В ту эпоху для обозначения временного состояния вольных людей, оторвавшихся по разным причинам и разными путями от своей социальной среды и принужденных обстоятельствами вести жизнь искателей приключений, употреблялось тюркское слово казак, известное еще с первой половины XIII в. [12, с. 68]¹. Так как Гирей, Джанибек и их приверженцы были людьми, ушедшими от своих и скитавшимися по окраинам государства кочевых узбеков, к которому они принадлежали и с которым находились в состоянии войны, то их прозвали узбеками-казаками, т.е. узбекскими казаками, или просто казаками. Имя это за ними закрепилось.

В 1468/1469 г. Абу-л Хайр хан умер, и в Узбекском улусе началась борьба за верховную власть. В этой обстановке Гирей, Джанибек и их казачья вольница вернулись в Узбекский улус и в 875/1470–1471 гг. захватили верховную власть в стране, основав династию собственно казахских султанов (*даулат-и салатин-и казак*). Имя *казак* сначала передалось ханству, а затем стало названием народности; с первых десятилетий XVI в. за страной закрепилось название Казакстан.

С тех пор и донныне коренные жители этой огромной страны себя иначе не называют, как *казаками*, а точнее *қазақами*; исходная форма этого тюркского слова именно такая – два увулярных *қ*: начальный и конечный, – *қазақ*. Между тем в русскоязычной литературе долгое время (начиная с XVIII и до 30-х годов XX столетия) для обозначения коренного населения Казахстана употреблялись слова *кайсаки*, *киргизы*, *киргиз-кайсаки*, *казак-киргизы*, *казак-буруты*, *киргиз-казаки*.

С образованием в 875/1470–1471 гг. Казахского ханства Узбекский улус окончательно распался. С тех пор казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана. Степи западной части Узбекского улуса, с центром в местности по нижнему течению Яика, служили для кочевков объединения племен, известных в восточных источниках как *мангыты*, по имени одного из

¹ Уже в XIV в. оно входит и в русский язык: казаками на Руси звали людей без определенных занятий и постоянного местожительства, вольных, гулящих людей, а также вольнонаемных батраков и т.д.; с середины XV в. имеются сведения об отрядах русских казаков, участвовавших в военных действиях против «татар». Родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кыпчакской степью, условия которых придавали этой вольнице характер военного общества.

тюркизированных монгольских племен, некогда живших в Восточной Азии. В русских источниках мангыты называются *ногайцами*, по имени известного в истории Золотой Орды джучидского царевича Ногая (ум. 1300 г.). В XV–XVI вв. мангыты (ногайцы) составляли не только этнографическую, но и политическую единицу (Мангытский йурт в мусульманских источниках, Ногайская Орда в русских источниках) и имели своих властителей (*биш*, *мурзы*). В XVII в. объединение окончательно распалось, большая часть составлявших его племен и родов откочевала на запад. Русский термин *ногайцы* полностью заменил восточное название *мангыты*, а впоследствии стал самоназванием ныне живущего в Дагестане и Ставропольском крае тюркоязычного ногайского народа [см. подробнее: 30].

Вопрос о том, когда и откуда тьяншанские кыргызы пришли на территорию современного Кыргызстана, остается неясным и дискуссионным. В первый раз кыргызы как этническое сообщество упоминаются на их теперешней родине в «*Тарих-и Рашиди*» Мирзы Хайдара, в рассказе о событиях, происходивших зимой 1503–1504 гг. [5, с. 213–214; 6, с. 512–513; 9, с. 90]. Мирза Хайдар, происходивший из могольского племени *дуглат*, не признает этнографического различия между кыргызами и моголами (речь о которых пойдет ниже) и считает кыргызов отделившейся частью моголов; главную причину бывшей между ними вражды он объясняет тем, что моголы приняли ислам, а кыргызы оставались язычниками. Вот слова самого Мирзы Хайдара: «... На Моголистан стали претендовать узбеки-казаки и киргизы. Хотя киргизы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хаканам они отделились от моголов. Все моголы стали мусульманами и вошли в число последователей ислама, а киргизы, как и прежде, остались во власти неверия. По этой причине они вышли из состава моголов» [19, л. 83б–84а].

Кыргызы были кочевниками-скотоводами. Но в отличие от степных кочевников Центральной Евразии кыргызы жили, как впоследствии, в горах и предгорьях Тянь-Шаня и пасли свой скот не на степных, а на горных пастбищах. Примечательно, что в сочинении «Бадаи' ат-таварих», написанном одним из садров при хане Абд ал-Азизе, встречается разъяснение названия киргиз, позволяющее предполагать, что, во всяком случае в XVII в., термин киргиз употребляется в Средней Азии в значении «горец» [см.: 4, с. 270, прим. 1].

Важные сведения о тьяншанских кыргызах сообщает османский автор конца XVI в. Сейфи Челеби. Привожу перевод, выполненный по микрофильму оригинала, хранящегося в Лейденской университетской библиотеке. «По эту сторону Кашгарии обитает племя, носящее название кыргыз. Они – кочевники и родственны моголам (буквально: «той же породы, что и моголы»). Это многочисленное племя. У них нет хана, а есть только беки, которых называют *кашка*. Они не кафиры и не мусульмане. Кыргызы живут на крутых горах, в которых есть местами проходы. Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отсылают свои семьи в глубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел. Действуя камнем йада, они заставляют снег падать на идущее против них войско и производят такой холод, что воины противника не могут действовать ни руками, ни ногами. Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов. Умерших они не зарывают в землю, а кладут в гроб, который подвешивают на растущие у них высокие деревья; кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются» [28, с. 260].

Известия Сейфи Челеби о тяньшанских кыргызах интересны во многих отношениях. Особо обращает на себя внимание то, что, подобно Мирзе Хайдару Дуглату, османский автор считал кыргызов родственниками моголов. Сообщения Мирзы Хайдара и Сейфи Челеби интерпретировались многими исследователями. В этой связи стоит отметить, что вне внимания специалистов до сих пор остается сообщение другого среднеазиатского мусульманского историка, в сочинении которого та же мысль выражена в ясной форме и более обстоятельно, чем у Мирзы Хайдара и Сейфи Челеби. Мы имеем в виду следующее сообщение Абу-л-Гази (ум. в 1664 г.): «У Огуз-хана был внук по имени Киргиз. Киргизы – его потомки. Однако ныне (*бу вақитда*) людей из прямых потомков Киргиза мало: могольские и другие племена, истощив свои пастбища и источники, пришли в йурт киргизов, поселились там и стали называться киргизами. Сами же знают, из какого рода-племени (*урук*) они происходят» [33, р. 42].

Как это видно, и здесь речь идет о процессе этнического взаимодействия кыргызов с моголами. Если в сочинении Мирзы Хайдара говорится о более раннем периоде общности моголов и кыргызов в составе союза племен Моголистана, объединявшихся этнонимом «могол», то сообщение Абу-л-Гази явно отражает этническую ситуацию на Тянь-Шане середины XVII в., когда группы могольских племен влились в состав консолидировавшейся и обособившейся кыргызской народности и были известны соседям уже под общим этнонимом «кыргыз» (киргиз), хотя сами и сохраняли свои родоплеменные названия. В русской историографии XVIII–XIX вв. тяньшанских кыргызов называли то «кара-киргизами», то «дикоканскими киргизами», а «киргизами» ошибочно именовали казахов. Между тем сами кыргызы себя иначе не называют, как только кыргызами [см. подробнее: 17].

Обратившись к этнической истории Чагатайского улуса, нельзя не остановиться подробнее на полиэтнических терминах *чагатай* и *могол*. Еще В.В. Бартольд отмечал, что из всех сыновей Чингиз-хана Чагатай был единственным, имя которого сделалось: 1) официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского государства; 2) названием кочевников, составлявших военную силу Чагатайского государства; 3) а также названием сложившегося в эпоху Тимуридов восточнотюркского литературного языка (*чагатай тюркиси*) [11, с. 540].

Войско Тимура состояло почти исключительно из конницы, а его главная военная сила – из чагатаев. Чагатаи были верны не только кочевой традиции, но и некоторым монгольским обычаям: они носили особую одежду, по обычаю брили голову, но оставляли пучок длинной косы. Вот как описывает Руй Гонсалес де Клавихо, посол короля Кастилии к Тимуру, внешний вид одного из чагатаев-военачальников Тимура, с которым он общался в 1404 г. по пути в Самарканд: «Он был одет в платье из голубого сутими (шелковая китайская ткань) с золотым шитьем, а на голове носил высокий колпак, отделанный жемчугом и драгоценными камнями. Верх колпака имел золотое навершие, с которого спускались две косы, из красных волос, сплетенных в три пряди, ниспадавших сзади и доходящих до плеч. Эти волосы, так сплетенные, и есть знак отличия воинов Тимур-бека» [23, с. 63].

Как привилегированное военное сословие чагатаи занимали особое положение в государстве Тимура сравнительно с оседлым населением. И эта

особенность четко зафиксирована у Клавихо: «А эти чакатаи пользуются особыми льготами от царя: они могут ходить со своими стадами везде, где хотят, пасти их и сеять и жить, где им вздумается, как летом, так и зимой. Они свободны и не платят подати сеньору (государю), так как служат ему на войне, когда их позовет. И не думайте, что они где-нибудь оставляют своих жен, детей и стада, – все, что у них есть, они берут с собой, когда идут на войну или переходят с места на место» [23, с. 97].

Образ жизни чагатаев кастилец описывает так: «А эти люди, что живут в шатрах и прочих домах, не имеют ничего, кроме этих шатров; и зимой, и летом они ходят по полям. Летом они идут в те места, где есть вода, и там сеют свои хлеба, хлопок, дыни, которые, думаю, самые лучшие и самые обильные во всем мире. Кроме того, они сеют много проса, которое в вареном виде едят с кислым молоком; а зимой уходят в теплые края. И сеньор также со всем своим войском ходит по полям зимой и летом. А так как они чувствуют себя в безопасности, не ходят все вместе, а так что сеньор со своими кавалерами и приближенными, женами и слугами едут в одну сторону, а другие – в иные места. Так они проводят всю жизнь. А скота у них много: баранов, верблюдов и лошадей; коров мало. Когда сеньор призывает этих людей в войско, они тотчас идут со всем своим имуществом, со стадами, женами, детьми и содержат и войско, и местность, куда приходят, снабжая всех баранами, верблюдами и лошадьми. С этими людьми сеньор совершил великие дела и выиграл много сражений. Они народ трудолюбивый и хорошие наездники, стрелки из лука и храбрые воины» [23, с. 95].

Среди названий родов и племен кочевников Западного Туркестана упоминаются полтора-два десятка известных тюркских и монгольских родов и племен, но также ряд ранее неизвестных названий, в т.ч. *апарди, арлат, бадахшан, барлас, бесуд, борлдай, джалаир, караунас, каучин, кыпчак, сулдуз, йасаури (ясавури)* [35, р. 154–165]. Особенным значением среди чагатаев пользовались четыре рода: *арлат, джалаир, каучин и барлас* [3, с. 172].

По мнению некоторых исследователей, термин чагатай первоначально прилагался именно к этим четырем монгольским племенам, составлявшим войско Чагатая. Однако это допущение не во всем согласуется с известиями основных мусульманских источников по истории монголов. Согласно «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина и «Муизз ал-ансаб», из эмиров Чагатая известны: карачар-нойон, из племени барлас; Муке-нойон из племени джалаир; Хошук-нойон из того же племени; Чагатай Малый (Кучик), из племени суннит [22, с. 275, т. 2, с. 94; 18, л.29аб; 10, с. 540]. Далее Рашид ад-Дин добавляет: «Основую войска Чагатая и его детей, которые ныне пришли вместе с Дува-ханом, были эти четыре тысячи, умножавшиеся путем рождения и размножения. Возможно, что к ним прибавилось еще какое-нибудь племя из других родов немонгольских» [22, с. 275]. Последние слова Рашид ад-Дина подтверждает и вышеупомянутый Клавихо: «Из-за этой известности, какую эти чакатаи приобрели», пишет он, многие (кочевые) жители страны теперь называют себя так, «хотя они совсем и не их племени» [23, с. 106].

Как известно, Тимур, став верховным эмиром Мавераннахра, создал для себя укрепленную столицу в Самарканде с крепостными стенами и цитаделью. Создание укрепленной столицы вызвало заговор против Тимура и смуту в стране, но заговор был подавлен, а виновники наказаны. Тимуру удалось

даже примирить между собой чагатаев, более того, создать из них высокодисциплинированную военную силу, слепо преданную своему харизматическому вождю

После смерти Тимура в 1405 г. политическая ситуация в стране резко изменилась. Если при Тимуре термин *чагатай* относился не ко всему населению страны, но только к военному сословию, то в XV в. он приобрел более широкое значение: чагатаями стали именовать все тюркское население Мавераннахра без ограничения его кочевой частью. Позже, в период борьбы Тимуридов с Мухаммадом Шейбани, все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское, стало именоваться чагатайским народом (*чагатай эли*), в противоположность дештским узбекам Шейбани-хана [13, с. 3; 24, с. 1–3; 26, с. 135].

По этнографическим данным, часть населения Мавераннахра еще в начале XX в. достаточно стойко сохраняла самоназвание *чагатай* [14, с. 123–127].

От названия *чагатай* обратимся теперь к термину *могол*. Первоначально, в XIII в., термин *могол* обозначал в Средней Азии собственно монголов – пришельцев из глубин Центральной Азии. Он содержал в себе политическую, этнографическую и иную характеристику носителей этого имени. Иными словами, термин *могол* был названием этнографической группы в Средней Азии и Восточном Туркестане по названию народа-завоевателя. В XIV–XVII вв. слово «могол» обозначало уже не совсем тех и не только тех, кого вначале. Термин *могол* остался, осталось и этнографическое представление о называемом у тех, кто употреблял этот термин, но сам первоначальный объект изменился вовсе: моголы (монголы) приняли тюркский язык, как основной язык, значительная их часть приняла ислам и т.д.; однако – что очень важно – моголы в массе своей сохранили кочевой образ жизни. Поскольку кочевую часть населения Моголистана составляли не только моголы (монголы), но и многочисленные тюркские роды и племена, то за термином *могол* закрепилось, по меньшей мере, два значения:

1. В узком смысле моголы – это отюреченные монголы, которые выступали как ревностные хранители монгольских кочевых традиций в этнографическом, бытовом и ином планах и именно этим отличались не только от тогдашних западнотуркестанских своих соседей, но и других подданных ханов-чагатаидов Восточного Туркестана, которые (т.е. ханы) в мусульманских источниках также называются моголами.

2. В широком смысле термин *могол* употреблялся в собирательном значении и обозначал просто принадлежность различных кочевых скотоводческих родов, племен и народностей, независимо от их языка, верования и этнической принадлежности, именно к государству моголов – Моголистану, Моголийе. Поэтому многие авторы XV–XVII вв. причисляли к моголам не только такие отюреченные монгольские племена, как, например, дуглат, чурас, керейты и др., но также семиреченских канглы, присырдарьинских карлуков, тяньшанских кыргызов, т.е. природных тюрков; поэтому они причисляли к моголам и восточнотуркестанских монголов-шаманистов, и семиреченских тюрков-мусульман, и тяньшанских кыргызов – тогда кафиров.

Иначе говоря, термин *могол* трактовался то в узко этнографическом смысле – монгол вообще, то в широком социально-бытовом смысле – кочевник-скотовод вообще. И смотря по тому, которое из этих двух значений

средневековый автор хотел подчеркнуть, моголы характеризовались и даже назывались по-разному. Если, например, моголы противопоставлялись коренному населению Средней Азии и Восточного Туркестана, то употреблялось чаще всего выражение *каум-е могол* («сообщество моголов»); если моголы противопоставлялись чагатаям, т.е. кочевым тюрко-монгольским родам и племенам Западного Туркестана, то употреблялось слово *джете* («вольница»); если моголы противопоставлялись коренным оседлым жителям Моголистана и Моголийе, то, соответственно, могол – это *сахранишин* («степняк-кочевник»).

Восточнотуркестанский историк Мирза Хайдар Дуглат (1500–1550) пишет, что в его время население Кашгарии разделялось на четыре группы (*кисм*): тюмень – крестьянство (райат), платившее ежегодную подать хану; каучин – войско (сипахи); аймак – кочевники, имевшие право на определенное количество хлеба, тканей и т.п.; и, наконец, на чиновников и представителей мусульманской религии [19, л. 165б–166а]. Кстати, эти известия Мирзы Хайдара о населении Кашгарии повторяются почти дословно в «Хафт иклим» Амина ибн Ахмада Рази (конец XVI в.) и «Джахан-нума» Хаджжи Халифы (XVII вв.). По мнению В.В. Бартольда, которое вполне разделяет и автор настоящих строк, каучины и аймаки вместе составляли моголов Моголистана и Моголийе [3, с. 171].

Исходя из всего вышеизложенного, в целом значение слова «могол» можно определить так: моголы Моголистана и Моголийе – это кочевники вообще, составлявшие основную военную силу страны. В этом смысле моголы не представляли собой особый этнический коллектив: среди моголов Моголистана и Моголийе были и природные монголы, еще не оставившие шаманистских воззрений, и природные тюрки-мусульмане, и другие, сохранившие кочевые традиции, народности; в этом смысле моголы Моголистана и Моголийе не составляли и особое сословие: моголы вообще и собственно монголы в частности были и среди султанов, и среди эмиров, и среди рядовых кочевников.

Иными словами, если определять значение слова «могол» в общем и целом, то моголы – это привилегированное господствующее кочевое население Моголистана и Моголийе. Кстати, именно поэтому этим словом было обозначено и государство, образованное эмиром Пуладчи и Туглук-Тимур-ханом в середине XIV в., – Моголистан («Страна моголов»), Мамлакат-и Моголистан («Государство Моголистан»), и государственное образование с центром в Яркенде, созданное в 1514 г. в Восточном Туркестане Чагатаидом Саидханом – Моголийе, Мамлакат-и Моголийе; именно поэтому слово *могол*, как официальный термин, могло быть истолковано и употреблено отдельными мусульманскими авторами XV–XVII вв. и как общее название подданных Моголистана и Моголийе вообще.

После распада Чагатайского ханства на два отдельных государства в середине XIV в. официальное название *чагатай* сохранилось только за западным государством (государством Тимура) и его населением. Жители этих двух государств, пишет Мирза Хайдар Дуглат, «по причине взаимной неприязни называют друг друга разными уничижительными именами, а именно: чагатаи называют моголов – джете, а моголы именуют чагатаев караунасами» [19, л. 83б–84а].

Караунас значит «метис», «человек смешанного происхождения». Именно в таком значении употребляет это слово и автор XIII в. Марко Поло. Описывая некудерийцев, т.е. отряды Некудер (Негудер)-огула, сына Муджи-Йебе, сына Чагатая, кочевавших в областях Кермана и юго-восточного Хорасана и совершавших частые и опустошительные набеги на соседние земли, он пишет: «Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от каранов, что бродяжничают по здешним местам и грабят всех. Зовут их так, потому что матери у них индианки, а отцы татары» [15, с. 125]. Со второй половины XIV в., как мы знаем, моголы Моголистана называли караунасами чагатаев, т.е. подданных государства Тимура и Тимуридов. Небезынтересно отметить, что автор XVII в. Махмуд ибн Вали, описывая военные события XV в., называет караунасами (*аквам-и караунас*) самих моголов Моголистана и противопоставляет их «токмаковцам», т.е. кочевым скотоводческим родам и племенам Великой Степи. В XVI–XVII вв. термин *караунас* в значении «метис» широко применялся в Индии для обозначения уже потомков и чагатаев, и моголов, прибывших туда вместе с Бабуром (ум. в 1530 г.). По мнению исследователей, термин *караунас* образовался, возможно, от тюркского слова «кара» (караунас – форма мн.ч.) и служил для обозначения людей смешанного низкого происхождения [см. подробнее: 2; 17, с. 155–156; 32, s. 52–54; 35, p. 159–161].

Монгольское слово *джете* («вольница») равнозначно тюркскому *казак*. Оно впервые встречается в «Мулхакат ас-сурах» Джамала Карши без указания года, где говорится о том, что Кашгар подвергся нашествию джете [3, с. 156]. О монголах-джете в районе Байбурта сообщает историк Ильханов Рашид ад-Дин (ум. в 1318 г.) в своей «Переписке» [см.: 20, с. 29, прим. 5]. В обоих указанных случаях речь идет, по-видимому, просто о «вольнице».

Термин *джете* получил дальнейшее развитие у тимуридских историков XV в., где это слово появляется уже как насмешливое прозвание моголов и одновременно как название их страны; причем для них Джете («улус Джете», «страна Джете») – термин, равнозначный политическому термину Моголистан. Так употребляет термин Джете и Мирза Хайдар в своем «Тарих-и Рашиди» (XVI в.); а аштарханидский историк XVII в. Махмуд ибн Вали прямо заявляет: «Джете – то же самое, что Мамлак-и Моголистан» [16, л. 286].

По разным причинам судьба моголов сложилась иначе, чем судьба их северных и западных соседей – казахов и узбеков. Коренные перемены в истории моголов совпали с началом XVI столетия. В 1503 г., как уже упоминалось, хан моголов Махмуд потерпел поражение от Мухаммада Шейбани-хана, покинул Ташкент и переселился в Кашгарию. Все западнотуркестанские владения моголов – Ташкент, Сайрам, Ура-Тепе и ряд других городов и крепостей с округами – перешли в руки Шибанидов; кроме того, тогда же Шейбани-ханом была задержана большая часть могольского воинства, т.е. тысячи и тысячи моголов, которых он затем поселил в Мавераннахре. В 1520-х годах под напором казахов Чагатаиды и могольские беки были вынуждены покинуть Семиречье и удалиться в Восточный Туркестан; роды и племена, которые остались кочевать на просторах Семиречья, влились в состав казахов. Примерно в те же десятилетия, так сказать, самоисключились из числа моголов и тяньшанские кыргызы – «лесные львы Моголистана». Какая-то часть моголов подалась вместе с Бабуром в Афганистан, а оттуда в Индию, и приняла участие в создании империи

Великих Моголов. Мирза Хайдар писал в 40-х годах XVI в., что следствием этого явилось то, что «моголы (монголы) теперь стали самыми отдаленными и самыми малочисленными созданиями» и что их, «может быть, осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара» [19, л. 84а].

Семнадцатое столетие оказалось для моголов Восточного Туркестана и вовсе трагичным. Многие могольские беки были насильственно изгнаны или добровольно удалились из страны, так что уже к 1667 г. при Абдаллах-хане там оставались в основном киргизы. К концу XVII в. пресеклась и династия Чагатая в Восточном Туркестане, и Могольское государство прекратило свое существование. К тому времени сильно поредели и собственно могольские роды и племена. Природные условия Кашгарии оказались неблагоприятными для ведения кочевой жизни, и моголы-кочевники постепенно слились с местным оседлым населением и в большинстве утратили свое название.

В XVIII–XIX вв. под властью китайцев население Восточного Туркестана вовсе не имело общего имени, и жители разных местностей страны называли себя по-разному: йерлик, мусулман халк, кашгарлык, яркендлик и т.п. Уже в XX столетии, когда в связи с идеей автономизации края появилась необходимость в общем этническом имени, тюркская интеллигенция Восточного Туркестана избрала термин *уйгур*, хотя владения древних уйгуров никогда не доходили до западной части Кашгарии. Слово *уйгур* постепенно стало общим собирательным именем основной части современного тюркоязычного населения Восточного Туркестана и вошло в состав нынешнего титульного названия края – Синьцзян-Уйгурский район Китайской Народной Республики.

Таким образом, ни один из терминов, обозначавших в разное время разные части населения Чагатайского улуса (восточный и западный), не стал общенародным (этническим) названием в Туркестане.

В заключение можно отметить, что практически именно с конца XV и начала XVI столетий вместе со сложением и упрочением Казахского ханства в бывшем Узбекском улусе (70-е годы XV в.), Бухарского ханства (1501 г.), Хивинского ханства (1511 г.) и Могольского государства с центром в Яркенде (1514 г.) на исторической арене Средней Азии появились новые народности: узбеки, казахи, тяньшанские кыргызы, каракалпаки. Именно с этого времени мы можем и должны говорить не о племенах и племенных союзах (или не только о племенах и племенных союзах), а новых этнических (этнополитических) реалиях, ставших следствием многовековых, глубинных и разноаспектных процессов, которые приобрели определяющее значение с конца XV столетия. Эти тенденции стали отличительной чертой тюркоязычных народов Центральной Евразии с начала XVI в.

Таким образом, можно утверждать, что двумя наиболее значимыми этапами этногенеза Центральной Евразии в Средние века стали, во-первых, монгольские завоевания и создание Монгольской империи и, во-вторых, начало XVI в., которое, по мнению В.В. Бартольда, в целом стало гранью между «средневековой» и «новой» историей мусульманского Востока [7, с. 750]. Несомненно, в свете новейших исследований и введения в научный оборот целого ряда новых источников общие тенденции и отдельные особенности этнополитической истории народов Центральной Евразии нуждаются в дополнительном изучении, а сложившиеся мнения, пусть и принадлежащие классикам востоковедения, могут быть дополнены или даже пересмотрены.

Однако при этом следует избегать опасностей и соблазнов полностью отвергать выводы предыдущих исследователей и выстраивать новые «сенсационные» теории происхождения отдельных тюркских народов или государств, чем, к сожалению, в последнее время занялись некоторые авторы, фактически занявшиеся этнополитическим мифотворчеством². Основой для дальнейших исследований должны стать глубокое изучение источников и критический анализ ранее проведенных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 229 с.
2. *Арапов А.В.* Караунасы, никудерийцы и их роль в чагатайской истории // *Общественные науки в Узбекистане*. 2004. № 2–3. С. 61–67.
3. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 17–192.
4. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 167–433.
5. *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 193–229.
6. *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 471–544.
7. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 649–772.
8. *Бартольд В.В.* Обзор истории тюркских народов // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 425–437.
9. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 21–106.
10. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 43–610.
11. *Бартольд В.В.* Чагатай-хан // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 540–544.
12. *Ибрагимов С.К.* Еще раз о термине «казах» // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8)*. Алма-Ата: 1960. С. 66–71.
13. *Кармышева Б.Х.* К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964). Отд. оттиск. М.: 1964. 9 с.
14. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М.: Наука, 1976. 323 с.
15. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. Алматы: Мектеп, 2004. 616 с.
16. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахийар. Т. 6. Ч. 2–3. Фотокопия рукописи из Ташкента (шифр ИВР РАН, ФВ 82; Т.6, ч. 4. Ксерокопия рукописи библиотеки «Индия Офис»), № 1496. Англия.

² Подобная деятельность, в частности, в Казахстане подробно описана в специальной монографии: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

17. *Мокеев А.* Кыргызы на Алтае и на Тяньшане. Бишкек: Манас, 2010. 280 с.
18. Муизз ал-ансаб. Рукопись Национальной библиотеки (Франция). Р. 67.
19. *Мухаммад Хайдар ибн Мухаммад Хусайн Гурган.* Тарих-и Рашиди. Рукопись ИВР РАН, В 648.
20. *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7–38.
21. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 220 с.
22. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
23. *Руи Гонсалес де Клавихо.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староисп. И.С. Мироковой. М.: Наука, 1990. 216 с.
24. *Самойлович А.Н.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 1–23.
25. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
26. *Стеблева И.В.* К вопросу о происхождении жанра туюг // Тюркологический сборник. 1970. М.: Наука, 1970. С. 135–147.
27. *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. Вопросы этнической и социальной истории. М.: Наука, 1982. 134 с.
28. *Султанов Т.И.* Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 254–272.
29. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
30. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
31. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 1979. 319 с.
32. *Ando Sh.* Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 s.
33. Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghâzi Bèhadour Khan. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. 1. Texte. St. Petersburg, 1871. 386 p.
34. *Manz B.F.* The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. II. № 3. Sept. 1978. P. 282–309.
35. *Manz B.F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. xi + 227 p.

Сведения об авторе: Турсун Икрамович Султанов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: vasilieva_nina@mail.ru

Поступила 11.01.2017 г.
Принята к публикации 07.03. 2017 г.

HISTORIOGRAPHY OF THE ETHNIC AND POLITICAL HISTORY OF THE JOCHID AND CHAGHATAID ULUSES

T.I. Sultanov

*Saint Petersburg University
St. Petersburg 199034, Russian Federation
E-mail: vasilieva_nina@mail.ru*

Objective: The article is dedicated to basic stages of ethnic and political development of two heirs of the Mongol Empire – uluses of Jochi (Golden Horde) and Chaghatai (in Central Asia) and their own successors in the 13th–18th cc.

Research materials: The sources mainly used in this study are historical works of contemporary Islamic authors: Jamal Qarshi, Rashid al-Din, Wassaf (turn of the 13th–14th cc.), al-Omari and Hamdallah Qazwini (14th c.), Mirza Muhammad Haydar, Seyfi Çelebi, Amin b. Ahmad Razi (16th c.), Abu-l-Ghazi, Mahmud b. Wali, Hajji Khalifa (17th c.) and others. Also opinions of leading Soviet and post-Soviet as well as foreign specialists on ethnical and political history of Central Asia (V. Barthold, A. Samoilovich, S. Ibragimov, A. Mokeev, B. Karmysheva, Sh. Ando, B.F. Manz, etc.) have been taken into consideration in this study.

Results and novelty of the research: The “reference point” of this article is epoch of Mongol invasions and establishment of the Mongol Empire. During this time earlier political and ethnical realities were crushed. Disintegration of the Empire and creation of independent Chinggisid states initiated new turn of ethno- and politogenesis continued until the fall of these states at the beginning of the 16th c.

Thus, ethnical and political development of the Central Eurasia was a long-term process, and firstly the terms, which are used as ethnonyms today, reflected political and social but not a national characteristics of their holders. Only after disintegration of Chinggisid uluses of imperial type and appearance of new states (Kazakh khanate, Shibanid states on the territory of Chaghataid ulus, Moghulistan and Moghulia-Kashgaria in the Eastern Turkistan) we could talk about formation of ethnical formations, which became a basis for the modern peoples of the Central Asia.

Author pays attention to hypothetical nature of many conclusions of specialist in the ethnical history of Eurasia although they based on careful study of medieval sources. This gives an opportunity to continue researches of this subject.

Keywords: Mongol Empire, ulus of Jochi, Chaghataid ulus, ethnic and political history, Kipchaks, Uzbeks, Chaghatais, Moghuls, medieval Islamic historiography.

For citation: Sultanov T.I. Historiography of the Ethnic and Political History of the Jochid and Chaghataid Uluses. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 74–92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

REFERENCES

1. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov. Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Tuqai-Timurids: Based on Materials of Persian Historical Work Bakhr al-asrar]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006. 229 p. (In Russian)
2. Arapov A.V. Karaunasy, nikuderiytsy i ikh rol' v chagatayskoy istorii [Qara'unas, Negüderi and Their Role in Chaghataid History]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan], 2004, no. 2–3, pp. 61–67. (In Russian)
3. Bartol'd V.V. Dvenadtsat' lektsiy po istorii turetskikh narodov Sredney Azii [Twelve Lectures on the History of Turkish Peoples of Middle Asia]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 17–192. (In Russian)

4. Bartol'd V.V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana [History of Cultural Life of Turkestan]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, part 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 167–433. (In Russian)
5. Bartol'd V.V. Istoriya turetsko-mongol'skikh narodov [History of Turkish-Mongol Peoples]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 193–229. (In Russian)
6. Bartol'd V.V. Kirgizy. Istoricheskiy ocherk [The Kyrgyz. Historical Essay]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. II, part. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 471–544. (In Russian)
7. Bartol'd V.V. Mesto prikaspiyskikh oblastey v istorii musul'manskogo mira [The Place of Caspian Regions in the History of Islamic World]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, Pt. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 649–772. (In Russian)
8. Bartol'd V.V. Obzor istorii tyurkskikh narodov [Survey of the History of Turkic Peoples]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 425–437. (In Russian)
9. Bartol'd V.V. Ocherk istorii Semirech'ya [Essay on the History of Zhetysu]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, part 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 21–106. (In Russian)
10. Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan during the Mongol Invasion]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 43–610. (In Russian)
11. Bartol'd V.V. Chagatay-khan [Chaghatai Khan]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, part 2. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 540–544. (In Russian)
12. Ibragimov S.K. Eshche raz o termine «kazakh» [Once More on the Term Kazakh]. *Novye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana* (Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSSR. T. 8) [New Materials on Ancient and Medieval History of Kazakhstan (Proceedings of Institute of History, Archaeology and Ethnography of Academy of Science of Kazakh SSR, Vol. 8)]. Alma-Ata, 1960, pp. 66–71. (In Russian)
13. Karmysheva B.Kh. K istorii formirovaniya naseleniya yuzhnykh rayonov Uzbekistana i Tadzhikistana [History of Formation of Population of Southern Areas of Uzbekistan and Tajikistan]. *VII Mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, avgust 1964)*. Otd. ottisk [7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 1964, Special Reprint)]. Moscow, 1964. 9 p. (In Russian)
14. Karmysheva B.Kh. *Ocherki etnicheskoy istorii yuzhnykh rayonov Tadzhikistana i Uzbekistana (po etnograficheskim dannym)* [Essays on Ethnic History of Southern Areas of Tajikistan and Uzbekistan (based on ethnographic data)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 323 p. (In Russian)
15. *Le Livre de Marco Polo* [Rus. ed.: Kniga Marko Polo o raznoobrazii mira, zapisannaya pizantsem Rustikano v 1298 g. ot R.Kh. Almaty: Mektep, 2004. 616 p.] (In Russian)
16. Mahmud ibn Wali. *Bakhr al-asrar fi manakib al-akhiyar*. Vol. 6. Pt. 2–3. Photocopy from manuscript from Tashkent. Code of IOM RAS, FV 82; Vol. 6, Pt. 4. Xerocopy of manuscript from the «India Office» Library, № 1496, England. (In Persian)
17. Mokeev A. *Kyrgyzy na Altae i na Tyan'shane* [The Kyrgyz on Altai and Tian-Shan]. Bishkek, Manas, 2010. 280 p. (In Russian)
18. *Muizz al-ansab*. Manuscript of the National Library (France). R. 67. (In Persian)
19. Muhammad Haydar ibn Muhammad Husain Gurgan. *Tarikh-i Rashidi*. Manuscript of IOM RAS. V 648. (In Persian)
20. Petrushevskiy I.P. Rashid ad-Din i ego istoricheskiy trud [Rashid al-Din and His Historical Work]. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1, part 1. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952, pp. 7–38. (In Russian)

21. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1, part 1, transl by L.A. Khetagurov; ed. and notes by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 220 p. (In Russian)
22. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1, part 2, transl. by O.I. Smirnov; notes by B.I. Pankratov and O.I. Smirnova; ed. by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 316 p. (In Russian)
23. Ruy Gonzalez de Clavijo. *Embajada a Tamorlan* [Russ. ed.: Rui Gonsales de Klavikho. Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406). Per. so staroisip. I.S. Mirokovoy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 216 p. (In Russian)
24. Samoylovich A.N. K istorii literaturnogo sredneaziatsko-turetskogo yazyka [History of Literary Central Asian Turkic Language]. *Mir Ali-Shir. Sbornik k pyatisotletiyu so dnya rozhdeniya* [Mir Ali-Shir: Collected Works on occasion of 500th anniversary]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1928, pp. 1–23. (In Russian)
25. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Vol. 2. *Izlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collected Materials on the Golden Horde History. Extracts from Persian Works collected by V.G. Tiesenhausen and edited by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
26. Stebleva I.V. K voprosu o proiskhozhdenii zhanra tuyug [On the Origin of Tuyug Genre]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [Studia Turcologica]. 1970. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 135–147. (In Russian)
27. Sultanov T.I. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. Voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii* [Nomadic Tribes of Aral Region of the 15th–17th centuries: Questions of Ethnical and Social History]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 134 p. (In Russian)
28. Sultanov T.I. *Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seyfi Chelebi o narodakh Tsentral'noy Azii* [Information of the Ottoman Historian of the 16th Seyfi Çelebi on the Peoples of Central Asia]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2003–2004. Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e* [Studia Turcologica 2003–2004: Turkic Peoples in Ancient and Medieval Times]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005, pp. 254–272. (In Russian)
29. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. *Izlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collected Materials on the Golden Horde History. Vol. 1: Extracts from Arabic Works]. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)
30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 752 p. (In Russian)
31. Usmanov M.A. *Zhalovannyye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Jochid Ulus of the 14th–16th cc.]. Kazan, Kazan State University Publ., 1979. 319 p. (In Russian)
32. Ando Sh. *Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab*. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 p. (In German)
33. *Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghâzi Bèhadour Khan*. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. Vol. 1. Texte. St. Petersburg, 1871. 386 p.
34. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. II, no. 3. Sept. 1978, pp. 282–309.
35. Manz B.F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge, Cambridge University Publ., 1989. xi + 227 p.

About the author: Tursun I. Sultanov – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central Asia and Caucasus of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University (11, Universitetskaya naberezhnaya St. Peterburg 199034, Russian Federation). E-mail: vasilieva_nina@mail.ru

Received January 11, 2017

Accepted for publication March 07, 2017